

- Топоров 1995 — Топоров В. Н. О северо-западнорусском локусе балтийской гидронимии (из цикла «По окраинам древней Балтии») // *Res Balticae*, 1995.
- Топоров, Трубачев 1962 — Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Третьяков 1966 — Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966.
- Третьяков 1982 — Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л., 1982.
- ЭСМЯ — Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1979, т. 1; 1983, т. 2.
- ЭСТЯ — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Б. м., 1978.
- Būga — Būga K. Rinkiniai raštai. Vilnius, 1958–1961, t. 1–3.
- Endzelin 1922 — Endzelin J. Lettische Grammatik. Riga, 1922, sēj. 3, d. 2.
- Endzelin 1934 — Endzelin J. Die lettländischen Gewässernamen // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1934, Bd. 11.
- Endzelīns 1980 — Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1980, sēj. 3, d. 2.
- Fraenkel — Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1962–1965, Bd. 1–2.
- Gimbutienė 1985 — Gimbutienė M. Baltai priešistoriniais laikais. Vilnius, 1985.
- Kabelka 1982 — Kabelka J. Baltų filologijos įvadas. Vilnius, 1982.
- Kalima 1936 — Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaisiet lainasanat. Helsinki, 1936.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1968–2002, t. 1–20.
- LPŽ — Lietuvių pavardžių žodynas. Vilnius, 1985–1989, t. 1–2.
- LUEV — Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963.
- ME — Mühlenbachs K. Lettisch-deutsches Wörterbuch / Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Riga, 1923–1932, Bd. 1–4.
- Otrębski 1959 — Otrębski J. Tiernamen als Gewässernamen in Litauen // *Beiträge zur Namenforschung*, 1959, Bd. 1.
- Schröder 1937 — Schröder E. Zum Thema: Tiernamen als Flußnamen // *Zeitschrift für Ortsnamenforschung*, 1937, Bd. 13.
- Senn 1959 — Senn A. Lithuanian Animal Names as River Names // *Names*, 1959, vol. 7, № 4.
- Senn 1959a — Senn A. Zur Bildung litauischer Gewässernamen // *Annali dell'Istituto universitario orientale. Sezione Slava*. Napoli, 1959, vol. 2.
- Skardžius 1943 — Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
- Tarvydas 1958 — Tarvydas S. Lietuvos vietovardžiai. Vilnius, 1958.
- Thomsen 1890 — Thomsen V. Berøringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske sprog. København, 1890.
- Vanagas 1964 — Vanagas A. Aukštutinės Padnieprės hidronimija ir baltų praeitis // *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1964, VII.
- Vanagas 1970 — Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.
- Vanagas 1981 — Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
- Vasmer 1932 — Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. Berlin, 1932, Teil 4.
- Vasmer 1941 — Vasmer M. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Rußlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941.
- Zinkevičius 1981 — Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. II. Vilnius, 1981.

Д. ПАЗАУСКАС

ПРУССК. *NOSEILIS* 'ДУХ'
В СТРУКТУРЕ БАЛТО-СЛАВЯНСКОГО ПОНЯТИЯ ДУШИ
(МАЛЕНЬКАЯ ЗАМЕТКА НА БОЛЬШУЮ ТЕМУ)

Прусское слово *noseilis* 'Geist, дух' в трех падежах (sg. nom., gen., acc.) много раз встречается в «Третьем прусском катехизисе» (Энхиридионе) 1561 г., и только в нем¹. В «Этимологическом словаре прусского языка» В. Мажюлиса это слово, в реконструкции *nōseilis, расчленяется на приставку **nō-* 'на, над, сверх' и корень *seili 'усердие, чувство, чувственность', отраженного в прусск. (acc. sg. f.) *seilin* 'уседие', (acc. pl. f.) *seilins* 'чувства' и далее через прусск. *seilē 'жизненная и психическая сила' восходящего к б.-сл. *seilā 'сила (жизненная и психическая)'. Таким образом, 'дух' определяется как *'то, что находится над жизненной силой'. Следовательно, по словам Мажюлиса, «существительное прусск. *nōseilis 'то, что находится над жизненной силой, сверх жизненной силы' > 'дух (Geist)' следует считать новообразованием, появившимся не ранее XIII в. — в то время, когда священники крестоносцев объясняли через переводчиков пруссам (язычникам), что (нем.) *Geist* есть то, что управляет жизненными силами („находится над, сверх жизненных сил“), является сверхъестественным» (Mažiulis 3, 197–199; см. 4, 92–93).

Представляется возможным показать, что для определения духа как «находящегося над жизненными силами» нет необходимости обращаться к «священникам крестоносцев» и христианству вообще и что такое определение духа следует непосредственно из балто-славянских языческих представлений о душе, следовательно, прусское слово *noseilis* на этом основании, несмотря на относительно позднее появление его в источниках, хронологическому ограничению XIII веком не подлежит.

Для этого предстоит выявить в балто-славянском понятии души определенную вертикальную структуру, делающую естественным по отношению к соответствующим ее уровням употребление таких предлогов, как «над» и «сверх».

Уже К.-Г. Юнг, рассматривая традиционные представления о психике, заметил: «Мы, естественно, предполагаем, что наши мысли находятся в голове, но в отношении чувств мы свою уверенность теряем: нам кажется, что они обитают скорее в области сердца. <...> Соглас-

¹ Ссылки см. в: Mažiulis 3, 197–198; полное издание источника — в: Mažiulis 1981, 91–240.

но нашей теории, местом сознания является голова, но вот индейцы Пуэбло мне говорили, что американцы, будучи уверенными в том, что их мысли находятся в голове, — сумасшедшие, поскольку каждому соображающему человеку ясно, что он думает сердцем. А некоторые негритянские племена свои психические функции помещают не в голове и не в сердце, а в животе» (Jung s. a., 347). В другом месте Юнг поясняет: «мышление животом означает, что некогда было время, когда сознание было еще таким тусклым, что люди замечали лишь то, что нарушало функции кишечника, а все остальное просто проскальзывало мимо — оно не существовало, поскольку не имело воздействия на них», наконец, даже «греки во времена Гомера помещали свое мышление чуть ниже сердца, в диафрагме. Другое слово, обозначающее диафрагму, *phrēn*, в древнегреческом означает мышление, мысль; тот же корень мы находим в названии психической болезни *schizo-phrēnia*, означающем расщепление сознания. Таким образом, в гомеровские времена физической локализацией психики была область диафрагмы. Они были сознательны в той мере, что могли различать те психические содержания, которые воздействуют на дыхание. А некоторые негритянские племена помещают свои чувства и мышление в животе. Они сознательны лишь настолько, насколько замечают содержания, воздействующие на функции кишечника. При отрицательных мыслях и чувствах нарушается деятельность нашего желудка. Мы до сих пор можем заболеть желтухой, если будем зажимать сильный гнев, а также каждый случай истерии сопровождается нарушениями пищеварения, поскольку самые глубокие и важные мысли изначально находились здесь. Следовательно, вот три локализации сознания, во всяком случае, доступных для исторического взгляда» (Jung 1981, 34, 107). А по словам одного из последователей Юнга — Э. Нойманна, «даже сегодня упрощенная схема строения тела — живот, грудь и голова — используется в обычной психологии, где „живот“ обозначает сферу инстинктов, „грудь“ и „сердце“ — область ощущений [чувств], а „голова“ и „мозг“ — сферу духа². По сей день современная психология и язык находятся под влиянием этой исходной структуры тела», но «эта схема особенно характерна для индийской психологии» (Нойманн 1998, 40). Ф. Б. Я. Кёйпер на основе древнеиндийской традиции, в свою очередь, заключает, что «головной мозг функционирует как „сиденье“ сознания индивидуума, в то время как психические компоненты более низкого, скажем филогенетического, пласта допустимо локализовать в нижнем конце оси» (Кёйпер 1986, 137). В нашем случае заслуживает внимания определе-

² Причем нем. *Geist*, как известно, обозначает не только дух, но и сознание, разум.

ние места психических компонентов такими предикатами, как «низкий», «нижний», подразумевающими положение указанных психических компонентов более «низкого» уровня именно «под» сознанием, находящимся в голове. Буквально на тех же правах можно говорить о том, что сознание, или дух, наоборот, находится «над» психическими компонентами более низкого уровня, тем самым полностью оправдывая строение прусского *noseilis*. Для этого нам остается показать соответствующее вертикальное расположение психических функций именно в балто-славянской традиции и, наконец, непосредственно в отношении понятия души, отраженного в балто-славянском слове **sellā*.

Так, по представлениям славян, чаще всего «душа локализуется в определенной части тела, в том или ином его члене или органе: в сердце или около него (рус., бел., пол.), в голове или даже в мозгу (пол. живец.), в груди (ср. рус. диал. *душа* 'грудь'), в горле (черногор.), в желудке (рус.), в животе (пол.): у мужчины душа около сердца, а у женщины — в животе (укр.)» и т. п. (СД, 163). Таким образом, налицо те же вертикально расположенные основные части тела: голова, или мозг; грудь, или сердце; живот, или желудок; и вдобавок горло.

Показательно в этом отношении литовское слово *stela* 'душа', восходящее к тому же б.-сл. **seilā* 'сила (жизненная и психическая)'. Дело в том, что в самых ранних письменных источниках начиная с катехизиса Даукши 1595 г. оно засвидетельствовано в значениях 'conscientia', 'vita, лит. *giwāta*' и 'luctus, cordolium, пол. *troska*' (Būga 1, 106)³. Рассмотрим все три значения в свете указанной структуры души:

1) *Conscientia* в отношении лит. *stela* принято понимать в значении 'совесть (*sažinė*)', однако это латинское слово, как известно, означает и 'сознание, понимание, убеждение' (ЛРС, 210)⁴, а такие психические функции, как сознание и понимание, в литовской традиции однозначно связываются с головой. Достаточно будет сказать, что основное слово со значением 'думать' в литовском, *galvoti*, является производным от *galvā* 'голова', и само *galvā* имеет значение 'ум, разум, мысль', а также 'память' (LKŽ 3, 78). Ср. соответственно рус. *голова* в значении, по определению В. Даля, 'ум, разум, смысл или

³ Указывается, правда, еще одно значение лит. *stela* — 'debilitas, impotentia', однако оно засвидетельствовано в единственном слове П. Руйгиса (Ruhig, 1747 г.), откуда лишь по словарям и странствует: К. Милкуса (Mielcke, 1800 г.), Г. Нессельманна (Nesselmann, 1853 г.), Ф. Куршайтиса (Kurschat, 1883 г.), который, впрочем, и сам в этом значении слова сомневался, и А. Бешценбергера (Bezzenberger, 1877–1906 гг.); ни одного примера употребления *stela* в этом значении в живой речи не засвидетельствовано (см.: LKŽ 12, 519; Zinkevičius 4, 258–260, 264–265; 5, 110).

⁴ Далее русские значения латинских слов даются по этому же словарю.

рассудок, умственные способности вообще', также 'качества нравственные' (Даль 1, 367, здесь же примеры) (ср. 'совесть' как соответствующее нравственное качество) и т. п. Таким образом, значение литовского слова *stela* 'conscientia' естественно соотносится с головой.

2) Что касается значения 'vita, лит. *giwāta*', то лит. *gyvatā* 'жизнь' в точности соответствует не только лат. *vīta* (< и.-е. *g^hītōtā), прусск. *giwato* (*g^hīvatā) 'жизнь', но и, наряду с некоторыми другими и.-е. словами, слав. *životъ, рус. *живот* (Рокорну, 469 и выше; Топоров 2, 255–256; Mažiulis 1, 376), что само собой указывает на соответствующее место человеческого тела. Др.-рус. *животъ*, засвидетельствованное начиная с XI в., тоже означало 'жизнь' (отсюда *животньнъ*, *животный* 'жизненный', *животное* 'animal'), а современное значение 'брюхо' развилось позже (Черных 1, 302; Фасмер 2, 52). Ср. у Даля *животъ* 'жизнь человека и животного; что есть в твари живое, оживляющее плоть' (*лишиться живота* 'умереть' и т. п.), а *животы* — 'брюхо, желудок' (Даль 1, 539–540). Причем то, «что есть в твари живое, оживляющее плоть», собственно, и представляет ее душу, что полностью соответствует рассматриваемому значению литовского слова *stela*. Само же развитие в слав. *životъ значения 'брюхо' недвусмысленно указывает на представления о душе — в качестве жизненной силы — как находящейся «в животе». Ср. рус. поговорку *Душа пузыри пускает* 'отрывается' (Там же, 505), где *душа* очевидно принимает значение 'желудок'. Ср. лит. *dūšiš* 'душа' в значении 'желудок, живот', например: *Mano dūšia valgio nepriima* 'Моя душа пищи не принимает'; *Išgerk trūkžolių ant tuščios dūšios, ir praeis liga* 'Выпей цикория на пустую душу, и пройдет болезнь' и т. п. (LKŽ 2, 925). В сказке (АТ 716*) Бог, по просьбе человека, изъял у него живот, но человек после этого не смог работать: *Kas dabar bus: neturiu pilvo, nebėra nė sveikatos* 'Что теперь будет: нету у меня живота, нет и здоровья' (ŠLSA, 130, № 203.). В другом варианте сказки связь живота с жизненной силой выражена еще более непосредственно: *Tas žmogus be pilvo palikęs... Imsiąs mėginti darbą dirbti — arti, ale negal. Ką tai daryti? Gulėt atsibodo, darbo dirbti nepajiegia — silpnu* 'Этот человек без живота остался... Берется за работу — пахать, но не может. Что делать? Лежать надоело, работать не в состоянии — немощь' (LP, 41, № I. 29). Таким образом, значение литовского слова *stela* 'vita, giwāta' естественно соотносится с животом, брюхом, желудком.

Шире, живот — и «в представлениях народов Дальнего Востока место, где помещается сама жизнь; отсюда японский самурайский ритуал вспарывания живота — харакири. Изображения людей с большими животами на Востоке символизируют скорее процветание, чем обжорство, — таков, например, Шэнь-йень, китайский бог богатства» (Тресидер 1999, 100–101).

По словам Э. Нойманна, «все, что находится ниже сердца, относится к сфере инстинктов», а «инстинкт питания — голод — является одним из самых первичных психических инстинктов человека, и соответственно психология живота играет большую роль у первобытных людей и детей. Чем меньше развиты сознание и Эго человека, тем больше состояние его ума зависит от того, голоден он или нет, мучает его жажда или нет. <...> Жизнь = силе = пище, эта самая ранняя формула обретения власти над чем угодно встречается в древнейших Текстах Пирамид. <...> Таким образом, на примитивном уровне сознательное понимание называется поеданием. Когда мы говорим о сознательном разуме, „ассимилирующем“ бессознательное содержимое, мы подразумеваем только то, что заключает в себе символ поедания и переваривания. При желании можно привести еще множество таких примеров из египетской и индийской мифологии, так как подобный элементарный пищевой символизм является архетипическим. Где бы ни появлялись напитки, фрукты, травы и т. д. как средство выражения жизни и бессмертия, включая „хлеб“ и „воду“ жизни, причащение и любую форму культа еды, вплоть до нашего времени, мы наблюдаем этот древний способ выражения. <...> Осознанное понимание „разыгрывается“ в элементарной схеме пищеварительной ассимиляции, и ритуальное действие конкретного поедания является первой формой ассимиляции, известной человеку. <...> Ассимиляция и усвоение „сущности“ съеденной пищи вызывает внутреннюю перемену. Трансформация клеток тела, вызванная принятием пищи, является самым элементарным изменением в организме, переживаемым человеком. То, как усталый, слабый, изголодавшийся человек может превратиться в проворное, сильное и удовлетворенное создание, или как человек, умирающий от жажды, может быть оживлен или даже преобразен опьяняющим глотком, есть и должно оставаться фундаментальным переживанием до тех пор, пока существует человек» (Нойманн 1998, 41, 42, 44–46).

3) И, наконец, значение 'luctus, cordolium, пол. *troska*'. Лат. *luctus*, в широком смысле, означает 'выражение скорби', а *cordolium* — непосредственно 'сердечная скорбь, душевное страдание', что в современном литовском передается составным словом *selvartas* 'большое горе, душевные терзания, горечь, печаль, скорбь', первая часть которого *sel-* происходит от того же *stela*; ср. также производный глагол *stelotis* 'терзаться, болеть душой, горевать, грустить'. Здесь следует обратить внимание на то, что само латинское *cordolium* является составным словом из *cor* 'сердце' и *dolor* 'боль, страдание, скорбь, огорчение, печаль' и, следовательно, связывает описываемое чувство с сердцем. Лит. *selvartas* же в самом литовском определяется синонимом *širdgėla* 'горечь, огор-

чение, скорбь, печаль', при определении значения которого, в свою очередь, первым стоит 'sielvartas' (LKŽ 12, 521–522; 14, 847). Дело в том, что слово *širdgėla* состоит из *širdis* 'сердце' и *gėla* 'боль, горесть', следовательно, полностью отвечает латинскому *cordolium* и не менее ясно указывает на отношение обозначаемого им чувства к сердцу. Подобные сложения основаны на том, что сердце, как известно, во многих, если не во всех традициях наделяется соответствующими психическими функциями (или даже отождествляется с ними), в первую очередь именно чувством (на что в данном случае указывает и пол. *troska* 'озабоченность, беспокойство', ср. *troskać się* 'беспокоиться, волноваться'), особенно некоторыми его разновидностями, одной из которых как раз является горесть, скорбь, печаль. Ср. лат. *cor* в значениях 'душа, дух; чувство, настроение' и даже 'рассудок, благоразумие' и т. п. Рус. *сердце*, по словам Даля, «есть представитель любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала, противоположно умственному, разуму, мозгу; всякое внутреннее чувство сказывается в сердце», в частности, «гнев, негодование, злость и злоба» (Даль 4, 174–175 с примерами); ср. *сердечный, сердитый, сердать* и т. п. Лит. *širdis* определяется как «символ человеческих чувств, настроений, центр переживаний, внутренний мир», в частности, «символ чувства любви, благосклонности, привязанности», а также «чуткости, доброты, искренности», но и «гнев, злоба» (LKŽ 14, 854–897 с многочисленными примерами); ср. *širdingas* 'сердечный', *širdintis* 'переживать, болеть душой (sielotis)' (там же, 850), *širdinti* 'сердить', *širsti* 'сердиться', *iširdęs* 'сердитый' и т. п. Ср. также лит. *dūšid* 'душа', 'желудок, живот', но и именно 'внутренний психический мир человека, чувства, сердце' (LKŽ 2, 925), тем самым повторяя указанные основные места локализации *славянской души*. Таким образом, значение литовского слова *siela* 'cordolium' естественно соотносится с сердцем.

По словам Юнга, «сердцу всегда характерны чувства, поскольку состояние чувств влияет на сердце. Повсюду в мире чувства связаны с сердцем. Если у вас отсутствуют чувства, у вас нет сердца; и если вы не имеете храбрости, у вас также нет сердца, поскольку храбрость определённа есть состояние чувств. Еще вы говорите: „Прими это в сердце“. Или же вы изучаете что-нибудь „всем сердцем“ [т. е. *у-сердно*]. Вы изучаете это, естественно, головой, но оно не задержится в вашей голове, если вы не примете это в сердце. Только если вы изучили предмет своим сердцем, вы по-настоящему восприняли его. Другими словами, если он не достиг ваших чувств... он остается таким легковесным, что улетучивается» (Jung s. a., 45).

Здесь пора вспомнить также прусск. (acc. sg. f.) *seilin* 'усердие' и (acc. pl. f.) *seilins* 'чувства', восходящие, как уже говорилось, к тому

же б.-сл. **seilā* 'сила (жизненная и психическая)', что и лит. *siela*, и представляющие тот же прусский корень, что и *noseilis*. В свете сказанного выше, понятия, обозначаемые указанными словами, можно с уверенностью отнести к сердцу. Следовательно, те психические функции, которые локализируются в голове, естественно будут находиться «над» ними. И, так как понятие 'дух' включает в себе также сознание и разум (ср. хотя бы нем. *Geist*, лат. *animus* и др.), относящиеся именно к голове (вспомним, что, по словам Э. Нойманна, голова и мозг представляют именно «сферу духа»), то прусск. *noseilis* (**nōseilis*) 'Geist, дух' < **nō-* 'на, над' + **seili* 'усердие, чувство, чувственность' полностью отвечает рассмотренной структуре души, отраженной в лит. *siela* < б.-сл. **seilā* 'сила (жизненная и психическая)'. В структуру самой души, правда, может входить и голова (ср. лит. *siela* в значении 'conscientia' и связанные с ним понятия) — тогда дух воспринимался бы как высшая функция самой души (ср. значение 'дух', условно принимаемое современным лит. *siela*) или занял бы место непосредственно над головой. Но возможные варианты, во всяком случае, не меняют самой вертикальной структуры души, самого положения духа над душой или, по меньшей мере, над ее низшими функциями.

Что касается собственно образования прусск. *noseilis* (**nōseilis*), ср. лит. *pa-širdžiai*, буквально 'под-сердечье, под-сердие', но иногда употребляемое и в значении желудка, живота, например: *Pilvas gurgė, paširdžius traukė, ir visam buvo taip silpna, kad net akys temo* 'Живот бурчал, подсердие тянуло, и во всем теле была такая слабость, что даже в глазах темнело'; *Mun paširdžius raito ta jūsa numinė, bijau aš anos ir iš tolo* 'У меня подсердие скручивает от этой вашей самогонки, боюсь я ее даже издалека' и т. п. (LKŽ 9, 568). Ср. также лтш. *pazirds* 'желудок' в словаре Мюленбаха–Ендзелина (см. Buck 1949, 254). Однако особо показательны в этом отношении именно рус. *под-сердечье, под-сердие* 'ложечка, подложечка, ямка под грудной костью, повыше желудка', в качестве синонимов к которым выступает *под-душка, под-душье* (Даль 3, 171, 203)⁵, что в прусском буквально можно было бы выразить словом **poseilis* (**pā-seilīs*)⁶.

Таким образом, какие-либо обращения к «священникам крестоносцев» при объяснении происхождения прусского слова *noseilis* (**nōseilis*) 'Geist, дух' излишни.

⁵ Ср. *душка* в значении 'часть шеи против глотки и пониже; самая ямочка на горле', *душа* в значении 'ямочка на шее, над грудной костью, под кадыком' — «тут, по мнению народа, пребывание души» (Даль 1, 505). Однако *под-душка, под-душье* указывают на место не под шеей или горлом, а под сердцем, следовательно, они скорее образованы не от названий указанных частей тела (тоже, впрочем, связанных с душой), а непосредственно от *души*, как пребывающей в сердце.

⁶ Относительно приставки см. Mažiulis 3, 297–298.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Даль 1981 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981, т. 1–4.
- Кёйпер 1986 — *Kёйпер Ф. Б. Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
- ЛРС — Латинско-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков. М., 1949.
- Нойманн 1998 — *Нойманн Э.* Происхождение и развитие сознания. М., 1998.
- СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999, т. 2.
- Топоров 1979 — *Топоров В. Н.* Прусский язык: Словарь. Т. 2: Е–Н. М., 1979.
- Тресиддер 1999 — *Тресиддер Дж.* Словарь символов. М., 1999.
- Фасмер 1996 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996, т. 1–4.
- Черных 1999 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999, т. 1–2.
- AT — The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography / Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen, translated and enlarged by Stith Thompson // FF Communications. Helsinki, 1961.
- Buck 1949 — *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949.
- Būga 1958 — *Būga K.* Rinkiniai raštai. Vilnius, 1958, т. 1.
- Jung s. a. — *Jung C. G.* The Psychology of Kundalini Yoga: Notes of the Seminar Given in 1932. London, [s. a.].
- Jung 1981 — *Jung C. G.* The Structure and Dynamics of the Psyche. Princeton University Press, 1981.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941–2002, т. 1–20.
- LP — Lietuviškos pasakos / Surinko Jonas Basanavičius. Vilnius, 2001, т. 1.
- Mažiulis — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1988–1997, т. 1–4.
- Mažiulis 1981 — *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1981, т. 2.
- Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
- ŠLSA — Šiaurės Lietuvos sakmės ir anekdotai / Surinko Matas Slančiauskas. Vilnius, 1975.
- Zinkevičius — *Zinkevičius Z.* Lietuvių kalbos istorija. Vilnius, 1990, т. 4; Vilnius, 1992, т. 5.

А. ХОЛЬФУТ

ЛАТЫШСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ
К ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМУ УПОТРЕБЛЕНИЮ
РУССКОГО ИМПЕРАТИВА:
ЛАТЫШСКИЕ СОЧЕТАНИЯ С МОДАЛЬНОЙ ЧАСТИЦЕЙ *lai**

Латышским конструкциям с модальной частицей *lai* до сих пор посвящено только одно специальное исследование (Holvoet 1998). В статье, посвященной модальной системе латышского языка (Holvoet 2001), мы обратили внимание на интересный (на наш взгляд) параллелизм между некоторыми латышскими конструкциями с модальной частицей *lai* и повествовательным употреблением русского императива в таких предложениях, как *Все говорят, а мы молчи. Все отдыхают, а я работаю.*

В изданной в 1970 г. «Грамматике современного русского языка» (Шведова 1970, 579) тип повествовательного употребления, который мы здесь имеем в виду, описывается в рамках категории «синтаксического залога» под названием «долженствительное наклонение». Формальный показатель этого залога — форма 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения, употребляемая одинаково для всех лиц и для обоих чисел (в отличие от собственно повелительного синтаксического наклонения, в котором соответствующие формы употребляются только для 2-го лица ед. ч.). Такой подход, по-видимому, мотивируется желанием отличить *форму* повелительного наклонения от выражаемых с ее помощью модальных *функций*. Он не исключает, конечно, обнаружения единой, инвариантной функции во всех типах употребления формы повелительного наклонения, но авторами цитируемой здесь грамматики этот вопрос не рассматривается.

Отметим, что Якобсон для всех видов употребления форм повелительного наклонения предлагал единое толкование, заключающееся в выдвинутом им (вслед за Карцевским) понятии «наклонения произвольного действия». Эта формулировка охватывает и условные употребления, осмысляемые как выражение «действия, произвольно приписываемого субъекту» (*Приди он, все бы уладилось*), и повествовательные употребления, осмысляемые как отражение «произвольного, неожиданного, немотивированного действия субъекта» (*Нечаянно загляни к нему смерть и подкоси ему ноги*), и, наконец, «долженствительные» употребления, выражающие действие, произвольно навязываемое субъек-

* Автор благодарен А. В. Андронову (С.-Петербург) за любезную помощь при правке русского текста этой статьи.